

Экономика элит и политическая нестабильность

Евгений Всеволодович

БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: EVBalatskij@fa.ru

ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье предлагается новая версия теории элит, основанная на использовании макроэкономической производственной функции, зависящей от численности элит и масс. Одновременно с этим производственная функция элит дополняется рассмотрением распределительной функции, задающей структуру доходов социальных групп и уровень неравенства. Объединение двух сторон деятельности элит позволяет построить простую типологию политических ситуаций в стране с выделением режима революционной ситуации. Формальный анализ модели производственной деятельности элит показал, что феномен перенакопления правящего класса оказывает заметное деструктивное влияние на экономический рост только после сильного падения эффективности его работы. Именно ухудшение качества политической элиты позволяет проявиться неправомерному увеличению ее размера. Рассмотрены обобщения модели элит на случай среднего класса и показана инвариантность ранее полученных выводов. Дана интерпретация макротехории элит для мегауровня, когда исследуется мирохозяйственная система, сегментированная на центр, периферию и полупериферию. Рассмотрены четыре измерения элиты, среди которых в качестве нового элемента выступают системные установки. Раскрыто влияние внешних исторических событий на мировоззрение элит и их действия на примерах перерождения Римской республики в Римскую империю, распада СССР и начавшегося падения гегемонии США. Для системы центр – периферия апробирована производственная модель элит с использованием статистических данных Всемирного банка; построены эконометрические зависимости, показывающие снижение эффективности США по управлению глобальным производством.

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2024). Экономика элит и политическая нестабильность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 43–63. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.2

For citation: Balatsky E.V. (2024). Elite economics and political instability. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 43–63. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.2

Ключевые слова: элиты, государство, политическая стабильность, экономический рост, модель центр – периферия.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2024 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

Введение

В XXI веке активизировались попытки построения глобальных социальных теорий, которые смогли бы объяснить не только подъем, но и крушение цивилизаций. Современная история накопила огромный материал о том, как отдельные государства и целые империи возникали, развивались и разрушались, причем при непохожести их географии, масштабов, технологического уровня и социальных моделей существования само чередование подъема и спада оставалось неизменным. В эпоху капитализма этот процесс стал еще более явным, когда главенство одного центра мирового капитала сменялось гегемонией другого, но сама эстафета передачи роли глобального лидера не претерпевала изменений. Неудивительно, что такая организационная инвариантность геополитического пространства настоятельно требует системного объяснения и тем самым порождает разные теории социального развития. Однако в последнее время подобные теоретические концепции начали дрейфовать в сторону некоей основополагающей теории элит, которая могла бы объяснить весь комплекс многообразных явлений на основе взаимодействия двух больших групп населения – элит и масс.

Следует сказать, что смещение интереса в сторону государственного управления – знаковое явление. В этом смысле фундаментальная проблема подъема и крушения государств и цивилизаций становится все более междисциплинарной или, выражаясь точнее, многодисциплинарной. Кроме того, теория элит позволяет сделать важный шаг в исследовании социальных процессов – объединить объективные и субъективные детерминанты геополитических удач и провалов в истории человечества.

Дополнительную актуальность роли элит в современном мире придает факт противостояния Запад/Не-Запад, сопровождающийся

активной геополитической турбулентностью. Сегодня есть несколько государств, судьба которых оказывается буквально под вопросом. Это Армения, Украина, Гайана, Косово, Палестина. Под большим вопросом оказалось будущее США и почти всех стран Европы. Помимо всего прочего, нарастает эскалация военного противостояния с его возможным перерастанием в ядерный апокалипсис. В ряде упомянутых случаев правящие элиты не только не стремятся урегулировать ситуацию, но и продолжают ее подогревать и усугублять.

В статье поставлена цель раскрыть содержание ключевых элементов общей теории элит и дать их частичную формализацию, помогающую глубже понять логику социальной эволюции. Главный акцент делается на построении некоего теоретического синтеза существующих теорий элит, который позволил бы с единых и понятных позиций препарировать многие явления жизни и смерти государств и целых цивилизаций. Новизна подхода состоит в построении максимально агрегированной производственной функции, зависящей от элит и масс, что дает ключ к описанию экономического роста и возникающих в его ходе функциональных сбоев. Методически авторский подход следует стандартным макроэкономическим принципам, используемым при описании экономической динамики.

Основополагающие идеи теории элит

Сегодня по проблематике элит и их места в государственной системе имеется практически необозримая литература, в связи с чем далее будут рассмотрены только наиболее значимые идеи в этой области, появившиеся в последнее время и имеющие непосредственное отношение к последующим построениям; полный обзор теорий элит не входит в наши намерения.

Пожалуй, первые наиболее зрелые суждения в отношении исторической динамики и роли элит принадлежат Арнольду Тойнби (Arnold Toynbee), который отмечал такое важное свойство, как *асимметричность процессов создания и распада государств* (цивилизаций). В частности, он пронизательно писал: «...если мы проведем эмпирический сравнительный анализ путей, которыми погибшие цивилизации проходили от стадии надлома до стадии распада, то мы действительно найдем определенную степень единообразия» (Тойнби, 2011, с. 20). Далее Тойнби поясняет этот тезис: «И это, в конце концов, не столь уж удивительно, поскольку надлом предполагает утрату контроля. Это, в свою очередь, означает превращение свободы в авантюризм, и если свободные акты бесконечно разнообразны и абсолютно непредсказуемы, то автоматические процессы имеют тенденцию к единообразию и повторяемости» (Тойнби, 2011, с. 20–21).

Вслед за свойством асимметричности Тойнби очень точно раскрывает диалектику распада в терминах элит и масс: «Короче говоря, нормальная модель социальной дезинтеграции представляет собой раскол разрушающегося общества на непокорный бунтарский субстрат и все менее и менее влиятельное правящее меньшинство. Процесс разрушения не проходит ровно: он движется прыжками от мятежа к объединению и снова к мятежу» (Тойнби, 2011, с. 21). Тем самым крушение государства происходит путем *распада общества на две все менее связанные между собой группы* – элиты (правящее меньшинство) и массы (непокорное большинство). И здесь Тойнби справедливо подчеркивает тот факт, что в стадии крушения государства элиты утрачивают былое влияние из-за падения своего *авторитета*, которое в свою очередь вызвано резким снижением эффективности государственного управления, следовательно, *эффективности и компетентности* самих элит. Сегодня мы можем смело обобщить описанный процесс на случай создания государства, которое возникает посредством эффективного и взаимовыгодного сопряжения элит и масс благодаря тому, что элиты конструируют новый

социальный порядок (систему управления), устраивающий обе социальные группы и тем самым получающий консенсусную легитимацию.

Несмотря на кажущуюся простоту и очевидность тезисов Тойнби, без опоры на них практически невозможно построить адекватную теорию государства.

Следующим этапом в понимании рассматриваемой проблемы является разграничение элит и масс. Здесь следует выделить *политический подход* Гаэтано Моски (Gaetano Mosca), согласно которому к элите относятся лица, обладающие реальной властью или влиянием на политические процессы (Mosca, 1939). Такое понимание двух социальных групп позволяет перейти к *кибернетической* трактовке государства, когда правящий класс (элита) отождествляется с подсистемой управления государством, а население (массы) – с управляемой подсистемой. Уже этот методический ход дает возможность применить к государству кибернетический закон необходимого разнообразия, сформулированный Уильямом Россом Эшби (William Ross Ashby), согласно которому для нормального функционирования любой системы сложность (разнообразие) ее управляющей подсистемы должна быть не меньше сложности (разнообразия) управляемой подсистемы (Эшби, 2021). Этот тезис автоматически выдвигает жесткое требование к элитам и созданной ими системе государственного управления: если эта система будет примитивна и однобока, а на ключевых позициях в ней будут задействованы люди, недостаточно интеллектуально и морально подготовленные, то и всему государству грозит крах.

Продолжением и дополнением этой линии является *меритократический подход* к определению элит, восходящий к Вильфредо Парето (Vilfredo Pareto), который к данной группе относит людей, обладающих более высокими интеллектом, талантом, способностями и компетентностью по сравнению со средними показателями социума (Парето, 2009).

Однако и политический, и меритократический подходы к определению элиты с неизбежностью сопрягаются с ее материальным положением, ее *доходами*. С одной стороны,

политическое влияние человека образует замкнутый цикл с его богатством, с другой — приобретение разнообразных достоинств требует огромных затрат и особого образа жизни. Такое понимание элиты приближает ее к понятию *праздного класса*, введенному и раскрытому Торстейном Вебленом (Thorstein Veblen) (Веблен, 2021). Детализируя количественный аспект индивидуального богатства, которое соответствует человеку, претендующему на роль элиты, Тома Пикетти (Thomas Piketty) наметил как пороговый уровень необходимого для этого дохода, так и размер соответствующей социальной группы (Пикетти, 2016). Проводя детальный анализ французского и британского общества XIX века на основе литературных произведений Оноре де Бальзака (Honoré de Balzac) и Джейн Остин (Jane Austen), Пикетти констатирует, что порог годового дохода для попадания в элиту должен был в 20–30 раз превышать средний доход общества, а размер такого праздного класса составлял 0,5% всего населения; более того, жизнь героев Бальзака и Остин ниже указанного порогового уровня была трудной и унижительной (Пикетти, 2016, с. 410), в связи с чем указанный порог мог подниматься до 50 раз, а размер элиты сокращаться до 0,1% населения (Пикетти, 2016, с. 411). Несмотря на некоторую условность таких оценок, их можно взять за точку отсчета, полагая максимальный размер элиты в 0,5–1,0% населения, а их доходы в 20–35 раз выше среднего уровня по стране.

Следующей вехой в развитии теории элит можно считать две знаковые работы Дарона Аджемоглу (Daron Acemoglu) и Джеймса Робинсона (James Robinson), в которых вопрос о взаимодействии масс и элит поднялся на новый уровень. Так, в своем первом бестселлере они предложили *теорию инклюзивных институтов*, делающую акцент на необходимости открытости элит и существовании социальных каналов проникновения в нее лучших представителей масс (Аджемоглу, Робинсон, 2015). По мнению авторов, именно рыночные механизмы отбора лучших представителей масс и отбраковывания худших представителей элиты позволяют обновлять и поддерживать в эффективном состоянии управленческую элиту, что в свою оче-

редь является основой создания и поддержания успешных политических режимов и государств. Иными словами, инклюзивные институты поддерживают социальные лифты, посредством которых элиты и массы осуществляют постоянный взаимный кадровый обмен; в противном случае, когда в обществе превалируют *экстрактивные институты*, закрывающие доступ массам в высшие эшелоны власти, государство оказывается не в состоянии поддерживать долговременный экономический рост и технологический прогресс. Здесь нельзя не упомянуть, что ранее с очень похожей концепцией выступили Дуглас Норт (Douglass North) и его коллеги, рассмотрев два институциональных способа организации общества — *порядок ограниченного (привилегированного) доступа* к ресурсам и *порядок открытого (свободного) доступа* (Норт и др., 2011; Норт и др., 2012).

В своем втором бестселлере Аджемоглу и Робинсон раскрывают анатомию формирования политического строя под воздействием борьбы двух социальных групп — элит и масс (Аджемоглу, Робинсон, 2021). На первое место выходят сила, организованность и сплоченность каждой социальной группы, образующие в соответствующих координатах так называемый *узкий коридор*, в рамках которого возможно возникновение и существование *политического равновесия* в форме Обузданного Левиафана, когда государственная машина, управляемая элитами, и общество, образуемое массами, равносильны и контролируют друг друга. Тем самым авторы поднимают вопрос о зависимости элит (государства) от масс (общества), фокусируясь на управляемом формировании обеих групп.

В книге Дарона Аджемоглу и Саймона Джонсона (Simon Johnson) рассмотрена история развития технологий вплоть до последнего времени и делается вывод о том, что масштабная цифровизация и использование систем искусственного интеллекта способствуют расширению класса богатых, маргинализации представителей масс и все большему отдалению этих групп друг от друга (Acemoglu, Johnson, 2023). Тем самым авторы фиксируют опасную тенденцию к долговременному нарушению разумного сопряжения элит и масс.

Прорывом в теории элит можно считать цикл работ Петра Турчина (Peter Turchin) и его коллег. Так, в одной из ранних эмпирических работ Петром Турчиным и Сергеем Нефедовым (Sergey Nefedov) выявлены некие универсальные закономерности в динамике элит и масс, которые подтверждаются историческими вековыми циклами на примере многих стран (Turchin, Nefedov, 2009). Важным результатом этого исследования стало эмпирическое установление *принципа перепроизводства элиты*, в соответствии с которым перенаселение приводит к обнищанию простого народа, а перенакопление элиты ведет к относительному обеднению ее значительной части. Причем исторические данные показывают, что перепроизводство элиты запаздывает по сравнению с общим перенаселением. В более поздней работе П. Турчин рассмотрел серию моделей, воспроизводящих разные аспекты жизни элит. В частности, опираясь на работу Ибн Халдуна, он уделил особое внимание явлению асабии, под которым понимается коллективная солидарность социальной группы (элиты), дающая ей способность к совместным коллективным действиям (Турчин, 2020, с. 93). Комплекс моделей Турчина демонстрирует сопряжение динамики элит, простолюдинов и государства, которое отождествляется с бюджетными доходами/расходами. В такого рода моделях эффект перенакопления элит выступает в качестве эндогенной движущей силы, что не может не привлекать внимания к подобным построениям.

В своей последней книге П. Турчин рассмотрел множество ярких стилизованных примеров из истории разных стран в разное время, а также предпринял попытку перейти к прогнозированию будущей *политической нестабильности* в США (Turchin, 2023). При этом правящий класс он расширил до 10% населения с ядром в 1%, чтобы дать более широкий охват явлений, порождающих нестабильность. Таким образом, теория перенакопления элит укрепилась не только модельным каркасом, но и содержательными пояснениями внутренних механизмов социальных движений, также была показана возможность практического использования модельных расчетов.

Еще одна знаковая работа, относящаяся к теории элит, принадлежит Рональду Финдли (Ronald Findlay) и Джону Уилсону (John Wilson), которые построили изящную двухсекторную модель национального производства (Findlay, Wilson, 1984). В модели Финдли – Уилсона рассматривается агрегированная производственная функция как произведение однофакторной производственной функции частного сектора, создающего товары и услуги, и однофакторной функции правопорядка (управления) общественного сектора, поддерживающего государственные институты. Так как труд и капитал в данной модели фиксированы, а население распределено между двумя секторами, то это автоматически приводит к существованию оптимальной доли государственных служащих и, следовательно, государственного сектора. В модели Финдли – Уилсона госслужащие по умолчанию играют роль элиты, ответственной за существующий в стране порядок, однако такое понимание элиты является слишком расширительным. Тем не менее, с учетом данной оговорки, упомянутая модель может служить основой для описания взаимодействия элит и масс.

Рассмотренных идей вполне достаточно для того, чтобы попытаться построить непротиворечивую обобщенную теорию элит. Это и будет сделано ниже.

Базовая модель общей теории элит

Для понимания роли элит рассмотрим две стороны жизни общества – создание и распределение макропродукта. Процесс производства может быть описан в предельно общем виде производственной функцией следующего вида:

$$Y = AU(E)X(P) = AE^{\alpha}P^{\beta}, \quad (1)$$

где E – численность элиты; P – численность масс; $U(E)$ – функция управления; $X(P)$ – потенциальные производственные возможности национальной экономики; A , α и β – параметры функций.

В (1) предполагается, что население (массы) участвует в создании ВВП в соответствии с имеющимися технологическими возможностями $X(P)$, а элиты обеспечивают управление государством и, в частности, экономикой в соответствии с функцией $U(E)$. Для простоты

используются степенные функции, мультиплицирование которых дает итоговую активность экономической системы, т. е. фактический ВВП Y , в виде стандартной функции Кобба – Дугласа. Функция (1) дополняется балансовым ограничением на распределение населения:

$$N = E + P, \quad (2)$$

где N – общая численность населения страны¹.

Тогда из модели (1)–(2) вытекает простое уравнение динамики:

$$\frac{dY}{dt} = \left(\frac{\alpha}{\zeta} - \frac{\beta}{1 - \zeta} \right) \frac{dE}{dt} + \frac{\beta}{1 - \zeta} \frac{dN}{dt}, \quad (3)$$

где ζ – доля сословия элиты в численности населения: $\zeta = E/N$.

Несложно видеть, что модель (1)–(2) в формальном отношении полностью совпадает с моделью Финдли – Уилсона (Findlay, Wilson, 1984). В данном случае предполагается, что управление государством определяется малой группой – властной элитой, которая задает правила игры (институты) и тем самым формирует определенный социальный порядок и вектор развития. Для дальнейшего анализа особый интерес представляет уравнение (3), которое связывает динамику национального производства с разрастанием привилегированной социальной группы – элиты. Если исходить из естественного предположения, что $\alpha > 0$ и $\beta > 0$, то из уравнения (3) вытекает условие плодотворного роста элиты, т. е. когда рост численности этой группы стимулирует экономический рост: $\zeta < \zeta^*$, где

$$\zeta^* = \frac{\alpha}{\alpha + \beta}. \quad (4)$$

¹ Построенная модель (1)–(2) откровенно акцентирует внимание на созидательной управленческой функции элит сугубо для экономики. Здесь не учтены идеологические, культурные ориентации и достижения элит, не рассмотрены взаимодействия с другими странами и их элитами, равно как и игнорируется сама возможность развязывания войны. Однако это вполне естественное упрощение, которое в принципе может быть снято путем усложнения управляющей функции $U(E)$.

Следовательно, предельный размер класса элиты ограничен только эффективностью, т. е. способностью к управлению. Если элита поддерживает достаточно высокое качество управления экономикой, то размер ее группы, строго говоря, не лимитирован; в противном случае ограничение (4) становится активным, а превышение критической отметки размера элиты приводит к сдерживанию экономического роста. Этот вывод автоматически следует из того обстоятельства, что величина ζ крайне мала (порядка 1%). Следовательно, если функция Кобба–Дугласа (1) является линейно однородной ($\alpha + \beta = 1$), то размер группы элиты ограничен только ее собственной эффективностью: $\zeta < \alpha$. Это в свою очередь означает, что такое ограничение для расширения группы элиты предполагает крайне малое значение эластичности элит по сравнению с эластичностью масс: $\alpha \ll \beta$. Иными словами, деструктивный рост элиты возникает только тогда, когда ее эффективность почти нуллифицируется: $\alpha \rightarrow 0$.

Данный факт представляется чрезвычайно важным. Он убедительно говорит о том, что перемещение кадров в состав элиты само по себе не способно затормозить экономический рост; это оказывается возможным только в том случае, когда элиты не просто начинают менее эффективно управлять обществом, а еще и переходят некое пороговое значение неэффективности и тем самым вообще перестают справляться с управленческими функциями. В этот период элиты перерождаются в класс *социальных паразитов*, получающих непропорционально большие блага и при этом не выполняющих никаких конструктивных обязанностей. Кроме того, из уравнения (3) вытекает, что при растущем населении даже такой управленческий провал элит не способен нарушить режим экономического роста и вызвать производственную рецессию – позитивный эффект от прироста масс поглотит негативный эффект от роста элит. Этот анализ подводит нас к пониманию двух необходимых условий для крушения государства как такового: приостановка роста численности населения ($dN / dt \approx 0$) и, как следствие, роста рабочей силы и занятости, что приведет к исчерпанию экстенсивного

фактора экономического роста²; катастрофическое падение эффективности элит ($\alpha \rightarrow 0$ или $\alpha < 0$), которое ведет к нарушению сложившегося социального порядка и нарастанию социального хаоса.

Сказанное позволяет утверждать, что с формальной точки зрения наступление периода неустойчивости требует коренной перестройки режима управления с катастрофическим уменьшением эластичности элит. В этом случае происходит своеобразный «разрыв» производственной функции (1), который может быть выражен следующим образом:

$$Y = AE^{\alpha - \Delta\alpha} P^\beta, \quad (5)$$

где $\Delta\alpha > 0$ – некий экзогенный негативный сдвиг в величине эластичности элит.

В этом случае мы получаем пороговое значение на падение эффективности элит при их заданном размере ζ : дальнейший рост элит начинает сдерживать экономический рост при превышении критической величины падения их эффективности $\Delta\alpha^*$ ($\Delta\alpha > \Delta\alpha^*$):

$$\Delta\alpha^* = \alpha - \beta \left(\frac{\zeta}{1 - \zeta} \right). \quad (6)$$

В модели (1)–(2) такого рода сдвиги в эффективности являются экзогенными, тогда как в реальности они носят эндогенный характер и определяются своими собственными законами и механизмами. Ниже этот вопрос будет освещен более подробно, однако сейчас важно зафиксировать сам факт того, что размер (количество) и эффективность (качество) элиты неразрывно связаны и только при их активном сопряжении и мультиплицировании происходят радикальная перестройка режима развития государства и рост политической неустойчивости.

² В данных построениях не проводится различие между населением и занятым населением, что в ряде случаев может быть принципиальным. При необходимости это обстоятельство может быть аккуратно учтено, однако для сохранения простоты схемы воздержимся от этого. В реальности демографический рост населения может сопровождаться сжатием занятости, что по своим последствиям оказывается еще более болезненным.

Если модель (1)–(2) раскрывает линию производства макропродукта, то для полноты картины необходимо отразить и линию его распределения, которое осуществляется постфактум между элитами и массами:

$$Y = DE + WP, \quad (7)$$

где D – средний доход элит; W – средний доход масс.

Если ввести показатель неравенства в доходах элит и масс $G = D/W$ и учесть балансовое соотношение (2), то уравнение (7) преобразуется к следующему виду:

$$Y = WN[1 + \zeta(G - 1)]. \quad (8)$$

Если для удобства ввести показатели нижней границы бедности W^* , параметра биологической терпимости масс $q = W/W^*$, верхней границы неравенства G^* и социальной нетерпимости масс к неравенству $g = G/G^*$, то уравнение (8) переписывается в виде:

$$Y = qNW^*[1 + \zeta(gG^* - 1)]. \quad (9)$$

Уравнение (9) показывает в максимально простой и ясной форме распределительные эффекты в теории элит. Например, если ВВП (Y) падает под воздействием ухудшившейся работы элит, то это падение при прочих равных условиях будет приводить к падению биологической толерантности и росту социальной нетерпимости масс ($q \rightarrow 1$ и $g \rightarrow 1$ соответственно при нормальных значениях $q > 1$ и $g < 1$). Такие процессы способствуют нарастанию революционных настроений и вероятности масштабных внутренних конфликтов в стране. Тем самым комбинация параметров масштаба и эффективности элит (ζ и α) и биологической и социальной терпимости масс (q и g) образуют пространство возможных конфликтных (революционных) движений в обществе. Таким образом, два исходных импульса, необходимых для крушения государства (приостановка роста населения и катастрофическое падение эффективности элит), дополняются достаточными условиями в виде недовольства масс своим материальным благосостоянием и проявлениями откровенной социальной несправедливости.

Типология социальных порядков и теория революции

Предложенная аналитическая схема позволяет дать довольно простую и элегантную типологию социальных порядков, возникающих внутри государства в результате комбинации функциональных параметров двух классов — масс и элит. Без потери степени общности эту типологию можно представить в *таблице 1*.

Первый тип режима — управленческий кризис — связан с утратой элитами своего управленческого мастерства. Этот случай является частым и соответствует всем известным экономическим кризисам, когда ошибки в государственном регулировании приводят к сбоям в экономике. При этом никаких системных проблем на уровне государства не возникает, а возникшие проблемы так или иначе решаются. Как правило, такие периоды сопровождаются сменой правительства и кабинета министров. Если же потеря управляемости экономики идет параллельно с перенакоплением элиты, то ситуация переходит в разряд политического кризиса, когда встает вопрос о правомерности сохранения правящего класса. В этот момент возникают признаки того, что правящая социальная группа превратилась в паразитический класс. В подобных случаях происходит смена политической власти — верховного лидера (президента) и его администрации. Если же такая ситуация вовремя не разрешается, а еще и дополняется избыточным вознаграждением несостоятельной части общества — правящей элиты, тем самым вызывая публичное недовольство населения, то сформировавшийся режим говорит о социально-политическом кризисе. Фактически население (массы) уже воспринимает правящий класс в качестве социального паразита, который неправомерно присваивает чрезмерно много благ. Такие

ситуации сопровождаются отставкой правительства и верховного лидера на фоне массовых народных манифестаций и протестов. Наконец, если подобная ситуация не разрешается, а еще и дополняется абсолютным обнищанием масс, то возникает режим *революционной ситуации*, который может иметь любые последствия — от насильственного свержения власти до гражданской войны и полного крушения государства.

Последний режим не только соответствует учению Владимира Ленина о революционной ситуации, но и обобщает его. Так, в своей работе 1920 года Ленин дал знаменитую характеристику революционной ситуации, когда «низы» (массы) не хотят жить по-старому, а «верхи» (элиты) не могут управлять по-старому (Ленин, 2022). В таблице 1 ленинский тезис раскрывается посредством четырех параметров. Вторая часть ленинской формулы конкретизируется падением эффективности элит с одновременным расширением их размера, а первая часть — ростом недовольства масс чрезмерным доходным неравенством и их категорическим нежеланием владеть дальнейшее жалкое материальное существование.

Все четыре параметра имеют ясную интерпретацию и могут быть с той или иной точностью верифицированы и оцифрованы. Например, параметры α и ζ требуют построения соответствующей производственной функции (1) для заданного исторического периода времени. Критический уровень бедности может быть достаточно точно определен для каждой страны, что позволяет определить и уровень текущей биологической толерантности масс. В отношении социальной нетерпимости можно воспользоваться грубой оценкой Пикетти для доходов элит $G^* = 50$. Таким образом, теоретическая рамка построенной схемы подлежит разумной верификации.

Таблица 1. Типология политической ситуации в государстве

Тип политической ситуации	Модельные характеристики			
	Параметры элит		Параметры масс	
	α	ζ	g	q
Управленческий кризис	$\alpha \rightarrow 0, \alpha < 0$	$\zeta < \alpha$	$g \ll 1$	$q \gg 1$
Политический кризис	$\alpha \rightarrow 0, \alpha < 0$	$\zeta > \alpha$	$g \ll 1$	$q \gg 1$
Социально-политический кризис	$\alpha \rightarrow 0, \alpha < 0$	$\zeta > \alpha$	$g \rightarrow 1, g \leq 1$	$q \gg 1$
Революционная ситуация	$\alpha \rightarrow 0, \alpha < 0$	$\zeta > \alpha$	$g \rightarrow 1, g \leq 1$	$q \rightarrow 1, q \geq 1$

Источник: составлено автором.

Специально подчеркнем, что систематизация политических режимов в таблице 1 позволяет не только осуществить своеобразный теоретический синтез теорий элит, но и операционализировать формальные построения с помощью понятных категорий и экономических показателей. В этом и состоит главное значение предложенной аналитической схемы.

Обобщения и модификации базовой модели

Выполненные построения являются самыми простыми из всех возможных. В связи с этим к ним можно предъявить несколько претензий. Наиболее очевидными из них являются следующие две.

Первая состоит в возможности рассмотрения не двух, а нескольких классов или социальных групп. Например, естественным обобщением модели (1) могла бы стать трехфакторная модель, включающая еще и средний класс. Тогда возникает логичный вопрос о том, не изменятся ли выводы модели для такой более разветвленной схемы.

Вторая претензия заключается в изначально нелинейном характере модели (1). В связи с этим правомерно задаться вопросом о том, сохранятся ли выявленные свойства модели с переходом к линейным зависимостям.

Ответим последовательно на поставленные два вопроса.

Сначала обобщим базовую модель на случай включения третьей социальной группы – среднего класса. Тогда функция (1) примет вид:

$$Y = AE^\alpha M^\gamma P^\beta, \quad (10)$$

где M – численность среднего класса; γ – эластичность среднего класса; остальные обозначения прежние.

Балансовое соотношение (2) для населения обобщается соответствующим образом:

$$N = E + M + P. \quad (11)$$

Если ввести параметр λ как долю среднего класса в общей численности населения, т. е. $\lambda = M/N$, то динамизация уравнения (10) дает соотношение:

$$\frac{dY}{dt} = \left(\frac{\alpha}{\zeta} - \frac{\beta}{1 - \zeta - \lambda} \right) \frac{dE}{dt} + \left(\frac{\gamma}{\lambda} - \frac{\beta}{1 - \zeta - \lambda} \right) \frac{dM}{dt} + \frac{\beta}{1 - \zeta - \lambda} \frac{dN}{dt}. \quad (12)$$

Простейший анализ показывает, что влияние расширения элит на экономический рост оказывается таким же, как и в модели (1), но ограничение (4) на размер элиты заменяется на два одновременных ограничения: $\zeta < \zeta^*$ и $\zeta < \zeta^{**}$, где

$$\zeta^* = \frac{\alpha(1 - \lambda)}{\alpha + \beta}, \quad (13)$$

$$\zeta^{**} = 1 - \lambda(1 + \beta/\gamma). \quad (14)$$

Формула (13) является уточнением формулы (4), а формула (14) может восприниматься как дополнительное ограничение при фиксированной доле среднего класса λ . Несложно видеть, что активным ограничением почти всегда будет выступать пороговое значение (13), а барьер (14) будет, как правило, избыточным для анализа размера элиты.

Таким образом, рассмотрение нескольких групп населения не приводит к качественным изменениям прежних выводов.

Нельзя не отметить, что модели (1)–(2) и (10)–(11) могут использоваться применительно к мировой системе. Например, согласно концепции Иммануила Валлерстайна (Immanuel Wallerstein), в мировой системе имеется три группы стран – ядро, периферия и полупериферия (Валлерстайн, 2006). Тогда страны ядра могут интерпретироваться как своеобразная элита мирохозяйственной системы, полупериферия – как средний класс, а периферия – как массы. Разумеется, здесь имеет значение исходная позиция по поводу того, какие страны должны входить в ту или иную системную группу. Можно предположить, что ядро в качестве управляющей элиты может быть представлено только одной страной, выступающей в качестве центра текущего цикла накопления капитала. Сегодня эту роль выполняют США. Можно рассматривать мирохозяйственную систему и в упрощенном виде – в рамках двухфакторной модели элиты – массы или центр – периферия; ниже будет дано эмпирическое наполнение данной схемы.

Вторая претензия относительно нелинейного вида исходных зависимостей может быть снята путем рассмотрения линейных функций управления и производства в исходной

зависимости (1). Тогда модель (1) примет следующий вид:

$$Y = A(\alpha E + a)(\beta P + b), \quad (15)$$

где A , α , β , a и b – параметры введенных линейных зависимостей.

Соединив уравнение (15) с формулой (2) и сделав простейшие выкладки, получим квадратичную зависимость ВВП от численности элиты, которая имеет точку максимума при значении:

$$E^* = (N + b/\beta - a/\alpha)/2, \quad (16)$$

которой соответствует пороговое значение доли элит:

$$\zeta^* = \frac{1}{2} \left(1 + \frac{b/\beta - a/\alpha}{N} \right). \quad (17)$$

Таким образом, даже линейные зависимости в функции (15) при предположении о сопряжении производительного и управленческого труда дают те же содержательные выводы, которые были сделаны ранее.

Можно рассмотреть и еще более простой случай, когда выпуск описывается линейной функцией с учетом ее двух составляющих:

$$Y = A + \alpha E + \beta P, \quad (18)$$

где A , α и β – параметры линейной зависимости.

Тогда динамизация уравнения (18) даст соотношение:

$$\dot{Y} = (\alpha - \beta)\dot{E} + \beta\dot{N}. \quad (19)$$

Несложно увидеть, что уравнение (19) является частным случаем уравнения (3) без учета структуры населения двух социальных групп. Иными словами, эффективность элиты по-прежнему играет основную роль в динамике экономического роста, но граница на масштаб этой группы исчезает. Таким образом, для нелинейного случая значение имеют эффективность и накопленный размер элиты, а для линейного режима – только ее эффективность.

Выполненные выше обобщения и модификации модели (1)–(2) демонстрируют инвариантность основных выводов, полученных на ее основе. Это придает необходимую общность выполненным теоретическим построениям.

Обсуждение результатов и новые трактовки

Построенные формальные схемы нуждаются в переложении на реальность и пояснении тех процессов, которые заложены в представленных моделях. Для этого обратимся к работам Турчина как наиболее содержательным относительно роли элит в сохранении и распаде государств. При этом картина, рисуемая в работах Турчина, будет немного исправлена и дополнена в соответствии с выполненными выше построениями.

В соответствии с теорией Турчина в основе механизма мощных политических конфликтов и краха государственности лежит процесс перенакопления элит (Turchin, Nefedov, 2009; Турчин, 2020; Turchin, 2023). По мере разрастания этой социальной группы с огромными индивидуальными доходами возникает не только переток людей в соответствующую группу, но и переток национального богатства. Это означает, что доля богатства, приходящегося на массы, уменьшается, что при прочих равных условиях приводит к их обнищанию. Этот результат служит основой политической активности масс, их вовлечения в борьбу элит и следующих за этим социальных волнений. Одновременно с этим происходит эрозия самого слоя элиты – разрушается так называемая асабия, т. е. внутригрупповая солидарность. Расширение элиты приводит к нехватке перераспределяемых в ее пользу средств для обеспечения «нормы» богатства каждого ее члена. Этот процесс со временем способствует локализации внутри нее отдельных групп (кланов) с постепенным нарастанием конкуренции между ними за власть и богатство. Именно эти богатые и могущественные группировки, испытывающие нехватку богатства и могущества, выступают в качестве главного драйвера политической борьбы. Указанные группы начинают борьбу за поддержку своих планов обездоленными массами и осуществляют либо политический переворот, либо революцию с изменением принципов политического правления; в случае длительного

отсутствия явного победителя в политическом конфликте возникает вероятность полного разрушения прежнего социального порядка без построения нового с последующим крушением государства в той или иной форме.

Хотя описанный механизм в целом правильно отражает процесс развития политических конфликтов, он все-таки нуждается в некоторых уточнениях. Дело в том, что в моделях Турчина сами элиты играют очень ограниченную роль. Так, в них предполагается, что простолюдины выступают производителями благ, а элиты являются обычными эксплуататорами, присваивающими себе часть произведенного богатства (Турчин, 2020, с. 297). Даже включая в свою схему государство в виде государственного бюджета, Турчин исходит из того, что элиты выполняют роль своеобразного *посредника* между массами и государством, осуществляя передачу части благ, собранных в виде налогов, в бюджет. Если элиты начинают беднеть, то они препятствуют росту налогов и пополнению казны; возможны и случаи, когда элита использует бюджетные средства на свои нужды (Турчин, 2020, с. 300). Тем самым ухудшение положения элит почти автоматически порождает ухудшение состояния бюджета, что эквивалентно ослаблению государства и выполняемых им функций по поддержанию социального порядка. Однако такая схема является явным упрощением.

Дело в том, что элиты – отнюдь не простые посредники между абстрактной государственной машиной и производительным населением (массами). Помимо этого, они выполняют *созидательную* миссию по организации общественного производства, регулированию экономической активности, налаживанию международных связей, поддержанию установленных норм в бизнесе и бытовой жизни и т. п. Именно этот аспект их деятельности отражен в управленческой функции $U(E)$ в формуле (1). Иными словами, элиты обеспечивают свой вполне определенный вклад в создание коллективного макропродукта страны, что отражается эластичностью α в модели (1). В такой трактовке элиты также являются *производящим* классом, хотя сама их деятельность носит преимущественно *организационный* характер. Но тогда совершенно очевидно, что именно невыполнение или неадекватное выполнение

элитами своей организационно-управленческой миссии ведет к нарушению эффективного функционирования экономики, сбоям в производстве и системной рецессии. При этом состояние бюджета само по себе может быть не связано с их перераспределительной функцией. Например, пополнение бюджета будет по-прежнему происходить в соответствии с установившимся в экономике налоговым бременем, однако уменьшающаяся экономическая активность системы не позволит воспроизводить государственные расходы в прежнем объеме, что приведет к бюджетному дефициту со всеми вытекающими негативными последствиями. Вместе с тем даже урегулирование этой проблемы во многом зависит от управленческой компетентности элит, т. е. от их производительной функции.

Дополнительным аргументом о невозможности самостоятельного крушения эффективности государственного управления из-за разрастания класса элит может служить следующее. Если в стране имеется два класса (элита и массы), каждый из которых обладает своим уровнем эффективности, то переток кадров из одного в другой будет негативно сказываться на системе только в том случае, когда этот переток осуществляется из высокопродуктивной группы в низкопродуктивную. Следовательно, само разрастание элиты будет негативно сказываться на всей общественной жизни только после того, как она уже *утратит* свою прежнюю управленческую эффективность по сравнению с эффективностью масс. Более того, формулы (5) и (6) показывают, что групповая эффективность элиты должна не просто уменьшиться, а уменьшиться достаточно сильно, для того чтобы нарушить воспроизводственные процессы в стране. Только после этого процесс разрастания элиты станет деструктивным и будет сдерживать экономическое развитие, что в свою очередь и является главным триггером развития политических конфликтов. В противном случае, когда элиты успешно справляются с миссией по управлению государством, их рост может вызывать некоторое социальное напряжение из-за перелива в их пользу общественного богатства, но вряд ли это приведет к масштабным политическим столкновениям, способным вызвать крах политической власти.

Таким образом, важное уточнение, вытекающее из предыдущих рассуждений, состоит в том, что *исходным импульсом* эрозии политической власти служит утрата этой властью способности эффективно управлять обществом и решать насущные проблемы. Естественным следствием этого процесса становится ослабление способности элит к самоуправлению и самоограничению. Именно в такие периоды времени начинается их неконтролируемый рост за счет сомнительного обогащения простоядинов и прихода на важные государственные посты людей «со стороны». Заметный спад в способности элит к управлению, накладывающийся на рост их абсолютного и относительно-го размера, запускает последующий механизм ослабления экономического потенциала общества с ухудшением положения обоих классов — масс и элит. Следствием этого процесса является разрушение асабии правящего класса, его дробление на конкурирующие политические группировки. Длительный экономический кризис запускает логику распределения создаваемого макропродукта путем его стихийного «раздергивания» на социальные группы в соответствии с формулой (9); рано или поздно пороговые значения социальной и биологической толерантности населения оказываются достигнуты, после чего начинается активное разрушение старого социального порядка.

Тем самым крайне привлекательная модель Турчина сохраняется с некоторыми дополнениями и уточнениями. Вместе с тем нарисованная общая картина эрозии элит и развития политических конфликтов обладает более значительным объяснительным потенциалом.

Нарисованная картина выводит на первое место новые вопросы. Дело в том, что в нашей схеме исходный импульс общественной динамики — заметное падение эффективности элит — оказывается экзогенным фактором, не находящим объяснения в предложенной схеме. Тогда возникает вполне логичный вопрос о том, что же порождает такой спад в дееспособности политической элиты. Ответ на этот вопрос попытаемся дать ниже.

Типология политических групп, элиты и управление

Выше уже был проведен обзор атрибутов элиты, позволяющих отделить ее от масс. Однако помимо наличия власти, богатства и лич-

ных качеств, представители элиты должны обладать еще одним атрибутом, который будем называть *системной установкой*. Под таковой понимается мировоззренческая установка человека относительно значимости социальной системы в его жизни и деятельности. В связи с этим можно говорить о двух разновидностях системной установки. Согласно первой, которую будем называть *холистической*, для человека общее (социум в целом) важнее частного (его личных дел и интересов); согласно второй установке, которую будем называть *индивидуалистической*, для человека частное важнее общего.

Строго говоря, глубинный смысл элиты состоит именно в том, что ее представители, будучи ответственными за состояние и развитие социума, в своих решениях руководствуются общими интересами и нуждами государства — даже вопреки собственным желаниям и интересам. Такая позиция соответствует доктрине *служения* чему-то великому — государству, нации, Богу и т. п. В отличие от элиты представители масс могут позволить себе ставить частные (личные, семейные, карьерные и т. п.) интересы выше общих (государственных). В этой точке и возникает бифуркация населения на две принципиально неодинаковые социальные группы. Именно отношение к государству как к некоей общественной целостности разделяет элиты и массы на качественно несопоставимые классы.

Напомним, еще Аристотель полагал, что «...человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» (Аристотель, 1984, с. 378). Иными словами, по мнению Аристотеля, каждый нормальный человек должен обладать развитым политическим сознанием, однако даже Аристотель не требовал от всех граждан *жертвенности* в отношении государства. Такое качество, несомненно, является уделом избранных — элиты. Именно способность приносить в жертву личные интересы общегосударственным и отличает элиту от масс. Можно сказать, что холистическая системная установка представителя элиты есть не что иное, как рафинированная, откристаллизованная и отчасти гипертрофированная ответственность за то, что происходит в стране.

Сказанное позволяет расширить традиционное понимание элит на еще одно измерение (рисунк). При этом следует сразу оговориться, что системные установки, строго говоря, не дублируют традиционные требования к личным качествам, равно как они не имеют прямого отношения и к этическим нормам. Например, представитель масс имеет право ставить свои дела выше государственных, ибо он несет ответственность перед своими близкими (семьей, друзьями, коллегами и т. п.), но не влияет на положение дел в государстве, а потому и не несет ответственности за это. Следовательно, его индивидуалистическая системная установка не наносит никому вреда и не имеет отношения к этике и морали. Однако если данная установка не вменяется массам и не несет в себе аморального потенциала, то и в отношении элит она не может напрямую применяться. И наоборот, если представитель элиты обладает всеми

положительными личными качествами (профессионализмом, компетентностью, честностью, скромностью и т. п.), но не разделяет холистической системной установки, то его действия по управлению государством будут, скорее всего, неэффективными или сомнительными. Соответственно, для того чтобы элиты были но-настоящему эффективными, ключевое значение имеют факторы наличия власти и холистической системной установки; в противном случае велик риск разрушения государственности как таковой. Наличие богатства и высоких личных качеств является дополнительным условием продуктивности элит.

Сказанное позволяет дать качественную типологию политических групп, так или иначе встроенных в политический процесс (табл. 2). В основе данной классификации лежит принцип наличия определяющих признаков. В зависимости от их комбинации можно выделять

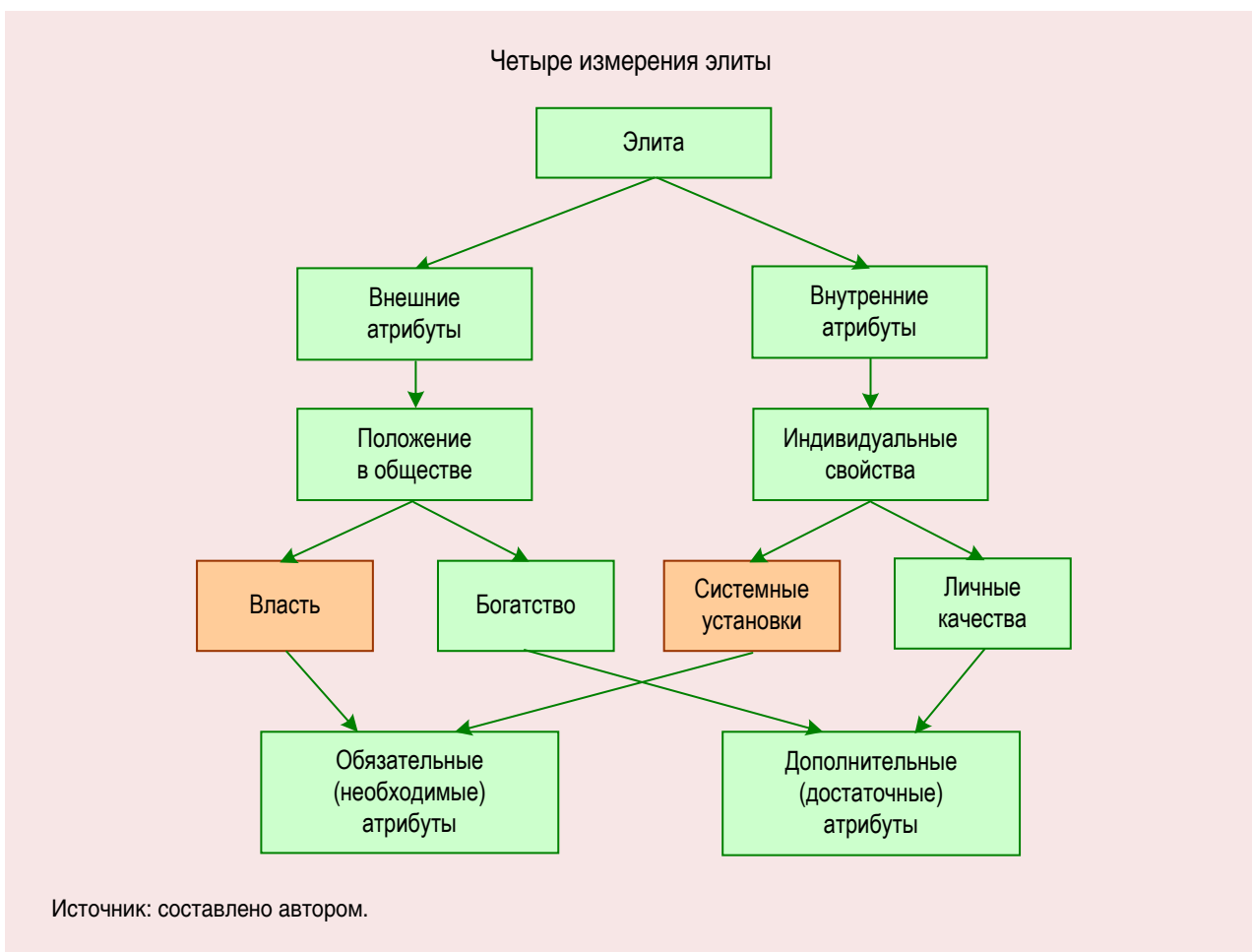

Таблица 2. Качественная типология политических групп

Наличие признака				Политические группы
Власть	Богатство	Личные качества	Холистическая системная установка	
+	+	+	+	Классическая элита
+	+	+	–	Правящий класс
+	+	–	–	Олигархия
+	–	–	+	Классическая бюрократия
+	–	+	+	Интеллектуальная (бюрократическая) элита
–	+	+	+	Бизнес-элита
–	–	+	+	Интеллигенция
–	+	–	–	Праздный класс

Источник: составлено автором.

разные политические подгруппы, в том числе те, которые не в полной мере относятся к категории элиты. В данном контексте крайне интересно то, как утрата того или иного признака приводит к перерождению классической элиты в ее модификации и антиподы. Например, если элита теряет позитивные личные качества и холистическую системную установку, то она превращается в олигархию, преследующую свои сугубо узкие интересы. Если из полного набора признаков выпадает фактор богатства, то политическая элита превращается в узкий слой интеллектуальной элиты, способной влиять на политические процессы, но не получившей материального подкрепления своей привилегированной позиции.

Главный итог предыдущих построений состоит в понимании того факта, что самая острая проблема, возникающая для государства, заключается в *перерождении элит*, т. е. в *уподоблении элит массам*, когда элиты отбрасывают холистическую системную установку и начинают преследовать в первую очередь свои корыстные личные интересы. В таких случаях система государственного управления теряет эффективность, а страна начинает движение к гибели. Если такой процесс приобретает достаточный масштаб и длится довольно долго, то вероятность негативного исхода возрастает до критического значения и вполне может реализоваться. Напомним, что традиция рассмотрения процесса *вырождения* и *деградации* элитных групп и их отдельных представителей восходит к биологическим трактовкам динамики популяций (Ашин, 2010, с. 125). Однако в нашем

случае имеет смысл говорить о более широком рассмотрении данных процессов, в том числе под воздействием различных социальных движений и обстоятельств.

В связи со сказанным заострим вопрос об *инверсии системной установки* элит. Дело в том, что помимо вполне понятных процессов вырождения и деградации представителей элит имеется широкий пласт социальных явлений, объективно приводящих к указанной инверсии установок. В качестве стилизованного примера такого рода событий рассмотрим период перехода от Римской республики к Римской империи.

Напомним, что исторический переход от республиканской формы правления к имперской представляет собой содержание так называемого парадокса Цицерона. Согласно современной трактовке, республика представляет собой *смешанный* институт, обеспечивающий равновесие между тремя такими *чистыми* институтами власти, как монархия, аристократия и демократия; несмотря на это, столь совершенный институт утратил свои преимущества и к началу нашей эры переродился в довольно примитивную имперскую форму правления с признаками тирании (Балацкий, 2023). По всей видимости, объяснение указанной трансформации состоит в постепенном перерождении римской элиты, в основе которой лежала утрата холистической системной установки.

Действительно, рассматриваемый исторический период ознаменовался масштабными гражданскими войнами, когда ведущие полководцы страны начали систематическую борьбу

за абсолютную власть вопреки интересам государства. При этом было бы крайне опрометчиво утверждать, что эти полководцы демонстрировали ничтожные личные качества. Наоборот, такие имена, как Гай Марий (Gaius Marius), Луций Корнелий Цинна (Lucius Cornelius Cinna), Луций Корнелий Сулла (Lucius Cornelius Sulla), Луций Лициний Лукулл (Lucius Licinius Lucullus), Гней Помпей Магнус (Gnaeus Pompeius Magnus), Марк Лициний Красс (Marcus Licinius Crassus) и Гай Юлий Цезарь (Gaius Iulius Caesar) говорят сами за себя. Это были на редкость одаренные, умные, образованные, талантливые и отнюдь не безнравственные люди. Тем не менее их попытки захватить единоличную власть в Риме в конечном счете привели к свержению республики. Можно с полным основанием предположить, что в рассматриваемый период имела место массовая инверсия системной установки элит. Ключ к пониманию причин этого явления дает нам Адриенна Мэйор (Adrienne Mayor): масштабные завоевательные кампании Рима привели к формированию огромных войск и усилению влияния их военачальников; огромная добыча в успешных войнах мгновенно обогащала полководцев, давала им известность и народную популярность; удаленность от центра принятия решений вела к наделению военных лидеров дополнительными политическими полномочиями, в том числе по установлению налогов и контрибуций с последующим дополнительным обогащением за их счет; ведение переговоров с иностранными правителями повышало их дипломатический статус и позволяло формировать международные альянсы и союзы; и т. п. (Mayor, 2010). Такое расширение полномочий римских полководцев способствовало сначала *отождествлению* их интересов с интересами Римской республики, а впоследствии и *примату* их частных интересов над интересами государства.

Однако следует оговорить еще один важный момент в рассмотренном примере. Само по себе перерождение элит Римской республики в сторону преобладания эгоистических мотивов и стремления к единоличной власти могло и не привести к падению старой формы правления.

Например, последние исследования говорят о том, что убийство Цезаря на заседании сената было неизбежным: во-первых, это была уже не первая попытка, во-вторых, это был заговор малого радиуса действия, тогда как существовал параллельный заговор большего радиуса, а возможно, и третий еще более обширный круг заговорщиков (Бобровникова, 2006). Тем самым Цезарь был обречен, что само по себе говорило о психологической неготовности элит к монархическому правлению. Тем не менее последующее воцарение Гая Октавиана Августа (Gaius Octavianus Augustus) уже не вызвало подобного протеста. С чем это связано?

Ответ состоит в следующем. Беспрецедентное расширение границ Римской республики привело к утрате прежней властью былой эффективности: выборная процедура консулов «поставляла» все новых и новых действующих лиц на политическую арену; возвращение в город обогатившихся триумфаторов вело к росту числа представителей элиты, способных приводить в действие большие массы населения; необходимость согласования полководцами своих действий с консервативным сенатом снижала оперативность политических решений; большое число восстаний рабов, италийских и иных племен требовало предельно жестких и даже жестоких волюнтарных решений; завоевательные походы в разных направлениях требовали долгосрочной политики, согласованности действий и единоначалия. В таких условиях республиканская форма правления давала систематические сбои, что снижало эффективность государственного управления. Выборные консулы превратились в политических временщиков, а сенат — в бюрократическое собрание, что не давало быстро и продуктивно решать возникающие проблемы. Проявлением неспособности демократической власти решать острые проблемы государства стало возведение в 82 г. до н. э. в должность диктатора Рима Луция Корнелия Суллы, что послужило своеобразной репетицией к будущему имперскому правлению. Тем самым падению Римской республики предшествовало резкое снижение эффективности государственной власти, что и породило последующие события.

В приведенном примере мы показали, что распад Римской республики шел в несколько этапов: военно-экономическая экспансия с ее новыми вызовами и проблемами; падение эффективности правления старой элиты; расширение слоя элиты, исчезновение групповой асабии, дробление элиты и нарастающая конкуренция политических группировок; отожествление элитами частных и государственных интересов с последующим главенством частных задач; череда политических кризисов, усугубляющих управленческие проблемы власти; победа новой политической группы (Октавиан Август и его сторонники), формирование новой элиты и становление нового политического порядка (империи). Важная особенность данного примера состоит в том, что инверсия системных установок элит произошла не путем банальной деградации ее отдельных субъектов, а из-за возникновения объективных несоответствий в самой системе власти и вызовов со стороны системы государственного управления.

Другой, во многом более показательный и простой пример метаморфозы элиты в части потери холистической системной установки дает крах Советского Союза. В литературе уже был подробно рассмотрен механизм деградации советской элиты из-за возникновения военно-стратегического паритета и свертывания в стране инклюзивных институтов (Балацкий, Плискевич, 2017). Результатом такой политики в условиях отсутствия явных внешних вызовов стала консервация элиты с постепенным ухудшением ее продуктивности — как личных качеств руководителей, так и их системных установок. Период, предшествовавший краху прежней государственности, ознаменовался беспрецедентной неэффективностью управленческих решений и дезорганизацией всей хозяйственной жизни страны. Однако и в данном случае следует подчеркнуть, что имевшая место деградация советской элиты произошла не самостийно и не стихийно, а под воздействием определенных обстоятельств. Главный же тезис, вытекающий из приведенных примеров, состоит в том, что в каждом случае необходимо искать свои причины и факторы ухудшения качества элит. Это правило существенно дополняет и углубляет современные представления

об эрозии институтов из-за качественного изменения их «начинки» — социальной системы (Balatsky, 2023).

Эмпирические приложения теории элит

Всё предыдущее изложение основывалось на качественном анализе, однако без эмпирического материала теория не получает достаточной убедительности. В связи с этим рассмотрим специфический, но достаточно наглядный пример, связанный с существованием мировой элиты в лице США.

Для этого воспользуемся данными Всемирного банка для построения функции (1) за временной период 1960–2022 гг.³ Тогда модель (1) будет строиться в логарифмической форме для трех исторических отрезков: 1960–1975, 1976–2000 и 2001–2022 гг. соответственно:

$$\ln Y = -36,50 + 2,20 \ln E + 1,13 \ln P, \quad (20)$$

(–6,84) (2,84) (2,59)

$$R^2 = 0,996; n = 16; F = 1819,1.$$

$$\ln Y = -13,28 + 0,93 \ln E + 1,18 \ln P, \quad (21)$$

(–5,75) (2,24) (4,47)

$$R^2 = 0,995; n = 25; F = 2028,3.$$

$$\ln Y = -24,43 + 0,63 \ln E + 1,94 \ln P, \quad (22)$$

(–4,22) (0,58) (2,78)

$$R^2 = 0,992; n = 22; F = 1256,3,$$

где Y — объем мирового ВВП; E — численность населения США; P — численность населения мира без учета населения США; n — число наблюдений; F — значение F-статистики; R^2 — коэффициент детерминации.

Построенные модели (20)–(22) являются удовлетворительными для качественного анализа изучаемых явлений.

Модели (20)–(22) предполагают, что мировая хозяйственная система разделена на две неравные части — элита в лице мирового гегемона (США) и периферия (прочие страны). Тогда весь создаваемый мировой ВВП является результатом управленческих усилий элиты (американского населения) и масс (прочего населения мира). Каждый участник вносит свой вклад в соответствии с эластичностями α и β . Для

³ См.: Data from database of The World Bank: World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

Таблица 3. Эффективность американской элиты на разных исторических отрезках

Временной интервал	Параметры модели (1)		Условие эффективности элит	
	α	β	Наличие	Форма
1960–1975	2,201	1,133	+	$\alpha > \beta; \beta > 0$
1976–2005	0,939	1,177	+	$\alpha < \beta; \beta > 0$
2006–2022	0,633	1,938	–	$\alpha < \beta; \beta > 0;$ α не значимо

удобства результаты эконометрических расчетов можно представить в *таблице 3*. Ее анализ позволяет сделать некоторые важные выводы.

Во-первых, в ретроспективе прослеживается явный дрейф параметра α в сторону уменьшения. Следовательно, эффективность мировой правящей элиты в лице США постепенно снижалась, тогда как отдача периферии (β) имела столь же явную обратную тенденцию – к росту. Тем самым почти визуально просматривается процесс постепенной рокировки значимости центра и периферии в мирохозяйственной системе.

Во-вторых, начало XXI века ознаменовалось снижением эффективности мирового гегемона и потерей устойчивой связи в сопряжении с периферией. Так как параметр эластичности США в этот период стал незначимым, то можно утверждать, что глобальный лидер уже утратил свое системное организационное начало. С формальной точки зрения в этот период исходная модель центр – периферия начала разрушаться.

Разумеется, сделанные выводы нельзя абсолютизировать, однако модельные расчеты свидетельствуют именно о таком ходе событий и заставляют, по крайней мере, обратить внимание на характер пресловутого взаимодействия центр – периферия.

Учитывая, что на временном участке 2001–2022 гг. параметр α оказывается незначимым, то с формальной точки зрения это означает отсутствие влияния центра (т. е. $\alpha = 0$), что ставит под сомнение плодотворность мирового порядка, поддерживаемого США. Следовательно, к началу XXI века США исчерпали свой управленческий потенциал. Последовавшие затем негативные геополитические события подтверждают это.

Сделанный вывод подтверждается имеющимися эмпирическими данными (*табл. 4*). Например, на протяжении рассмотренного периода относительные показатели масштаба США уменьшались ($\mu = Y^*/Y$, где Y^* – ВВП США; Y – мировой ВВП), тогда как показатель мирового неравенства ($G = (Y^*/E)/[(Y - Y^*)/P]$) вел себя неоднозначно. Так, в 1998 году показатель G впервые за многие годы превысил отметку в 8 раз, а в 1999 году он установил исторический максимум – 8,27. Тем самым именно в эти годы США достигли высшей отметки в перераспределении мирового ВВП в свою пользу. Анализ ретроспективных данных за 1960–1975 гг., когда эффективность управления мирохозяйственной системой со стороны США была максимальной, показывает, что верхней границей неравенства можно считать отметку $G = 7,45$. Следовательно, в 1999 году индекс

Таблица 4. Относительные параметры США в мировой экономике

Год	Относительный масштаб		Относительное неравенство Душевой ВВП (G), число раз
	Население (ζ), %	ВВП (μ), %	
1960	6,0	31,6	7,28
1970	5,6	28,6	6,80
1980	5,1	26,8	6,79
1990	4,7	27,2	7,56
2000	4,6	28,4	8,23
2010	4,4	25,2	7,26
2022	4,2	23,3	6,93

социальной нетерпимости масс к неравенству составил $g = 1,11$, т. е. превысил критическую отметку. Такое положение дел говорит о том, что к началу XXI века в мировой системе наметилось антагонистическое противостояние центра и периферии и актуализировался вопрос о правомочности сложившегося социального порядка.

Помимо всего сказанного, приведенные цифры позволяют еще раз взглянуть на концепцию переполнения элит. Например, на историческом интервале 1960–2022 гг. относительный размер населения государства-гегемона сокращался, в связи с чем говорить о переполнении элиты в мировой экономике нельзя; даже относительное обогащение правящего класса в целом уменьшалось, несмотря на происходившие локальные всплески его роста. Однако главное заключается в том, что на этом фоне падала сама эффективность действий элит, особенно в начале нового столетия. Следовательно, кризис прежней модели геополитического лидерства вызван не столько ростом размера элиты и даже не ее «жадностью», сколько утратой ее управленческой эффективности в деле организации мирового производства. Именно эта идея и является центральной в предлагаемой теории элит.

Что касается причин, обусловивших падение эффективности американской элиты, то они связаны с постепенной эрозией институциональной системы США (Balatsky, 2023). Старая доктрина примата конкуренции, в которой раньше всегда побеждали США, постепенно перестала работать. Китай в старой институциональной парадигме конкуренции оказался в более выгодном положении. Старые силовые методы решения международных проблем также начали давать сбои в России, Иране и Северной Корее. Именно в начале XXI века наметилось разрушение асабии внутри американского государства – возникло антагонистическое противостояние двух политических партий и стоящих за ними бизнес-элит. Наиболее ярким внешним проявлением утраты стратегического единства США может служить эмиграционная политика, когда президент Дональд Трамп (Donald Trump) возводил стену на границе с Мексикой, а региональные власти мешали ему в этом начинании; после же прихода к власти Джозефа Байдена (Joseph Biden) построен-

ную стену начали разрушать, а местные власти, наоборот, стали возводить ограждения из колючей проволоки, войдя тем самым в конфликт с федеральными властями. Подобное отсутствие единства в условиях правления «политических временщиков» привело к избыточному проникновению на территорию страны мигрантов и невозможности эффективной работы «плавильного культурного котла», который с меньшим объемом переселенцев раньше прекрасно справлялся. Аналогичные процессы выхода ситуации из-под контроля охватили множество сфер общественной, деловой и политической жизни страны. Тем самым мирохозяйственная система переросла старую институциональную и политическую парадигму американской элиты, в результате чего она начала распадаться на отдельные кланы со своими интересами, постепенно ставшие выше общегосударственных. Иными словами, в умах американской элиты состоялся процесс перехода от холистической к индивидуалистической системной установке со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разумеется, технологический прогресс усиливает все указанные явления, а нарушение закона Эшби провоцирует распад прежнего социального порядка и крушения государства, основанного на устаревших управленческих принципах.

Продолжая эмпирическую линию данного раздела, можно предположить, что в мирохозяйственной системе в начале этого века появился новый лидер – Китай, который уже заместил или замещает старого лидера. Для тестирования этой гипотезы была построена эконометрическая зависимость для отрезка 2001–2022 гг.:

$$\ln Y = -27,74 + 1,02 \ln E + 1,70 \ln P, \quad (23)$$

(-1,53)
(0,68)
(2,84)

$$R^2 = 0,992; n = 22; F = 1267,9,$$

где Y – объем мирового ВВП; E – численность населения Китая; P – численность населения мира без учета населения Китая; остальные обозначения прежние.

Однако параметры модели (23) не позволяют подтвердить нашу гипотезу. Модель взаимодействия Китая с остальным миром крайне неустойчива – два регрессора в уравнении незначимы. Это означает, что в настоящий мо-

мент сложилась ситуация отсутствия в мире явного государства-лидера, которое осуществляло бы эффективное управление глобальными геополитическими процессами. Возможно, в течение ближайших нескольких лет ситуация прояснится, однако пока имеет место геополитическая неопределенность.

Таким образом, приложение общей теории элит к мирохозяйственной системе дает вполне разумные результаты, что позволяет говорить о возможности расширения сферы прикладных исследований с ее использованием.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заполнить некоторые пустоты современных воззрений на элиты и их роль в государственном управлении. Главный акцент в предлагаемой теории делается на факте утраты элитами эффективности управления государством. При этом новый взгляд на проблему не приходит в конфликт с уже существующими концепциями, а вполне органично дополняет их. В частности, в отличие от теории перенакопления элит П. Турчина авторская версия рассматривает количественные и качественные изменения правящего класса в едином комплексе, что позволяет устранить некоторые неточности в интерпретации исторических событий. Обращает на себя внимание возможность перенесения авторской теории элит на мегауровень, когда рассматривается мирохозяйственная система центр — периферия. Верификация теоретических построений на основе статистических данных позволяет утверждать не только ее принци-

пиальную возможность, но и плодотворность дальнейших исследований в этом направлении.

Полученные результаты дают основания полагать, что в будущем сбор необходимых статистических данных может позволить перейти к упреждающей диагностике кризисных периодов в деятельности национальных элит с последующей корректировкой стратегии государственного управления. При этом, по всей видимости, может потребоваться более тщательная калибровка теории с точки зрения используемых системных переменных. В данном случае могут быть лучше учтены группы занятых, безработных, пенсионеров, молодежи и т. п. Это приведет к более разветвленной дихотомии политических режимов с одновременным повышением ее реалистичности.

Нельзя не упомянуть и вопрос о тиражировании прикладных расчетов по представленной модели в рамках отдельной страны. Этот вопрос является нетривиальным и на него нет простого ответа. Однако можно предложить следующий гипотетический базовый вариант: для разных регионов России построить функции типа (1), где в качестве элиты фигурируют работники региональной системы управления, а в качестве масс — остальное население; выходной переменной может выступать ВРП. Такой тотальный мониторинг мог бы позволить оценить обоснованность имеющейся численности управленческого состава регионов страны. Разумеется, возможны разные вариации базовой схемы, для которых необходима специальная калибровка используемых переменных.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. 672 с.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор. М.: АСТ. 704 с.
- Аристотель (1984). Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль. 830 с.
- Ашин Г.К. (2010). Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет. 600 с.
- Балацкий Е.В. (2023). Концепция «узкого коридора»: история и современность // Мир России. Т. 32. № 3. С. 180–195.
- Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. № 4. С. 97–117.
- Бобровникова Т.А. (2006). Цицерон: Интеллигент в дни революции. М.: Молодая гвардия. 532 с.
- Валлерстайн И. (2006). Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего. 248 с.
- Веблен Т.Б. (2021). Теория праздного класса. М.: АСТ. 384 с.
- Ленин В.И. (2022). Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М.: URSS. 136 с.

- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара. 480 с.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности: докл. к XIII апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 48 с.
- Парето В. (2009). *Компендиум по общей социологии*. М.: Изд. дом ВШЭ. 521 с.
- Пикетти Т. (2016). *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
- Тойнби А.Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ: Астрель. 318 с.
- Турчин П.В. (2020). *Историческая динамика: как возникают и рушатся государства. На пути к теоретической истории*. М.: Ленанд. 366 с.
- Эшби У. Росс (2021). *Введение в кибернетику*. М.: Ленанд. 432 с.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*. Public Affairs.
- Balatsky E.V. (2023). Institutional erosion and economic growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 81–101.
- Findlay R., Wilson J. (1984). *The Political Economy of Leviathan*. Stockholm: Institute for International Economic Studies (Seminar paper, no. 285).
- Mayor A. (2010). *The Poison King: The Life and Legend of Mithradates, Rome's Deadliest Enemy*. New Jersey: Princeton University Press.
- Mosca G. (1939). *The Ruling Class*. New York: McGraw Hill Book Company.
- Turchin P., Nefedov S. (2009). *Secular Cycles*. New Jersey: Princeton University Press.
- Turchin P. (2023). *End Times: Elites, Counter-Elites, and the Path of Political Disintegration*. Penguin Press.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4); главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: EVBalatskij@fa.ru)

Balatsky E.V.

Elite Economics and Political Instability

Abstract. The article puts forward a new version of elite theory based on the use of a macroeconomic production function depending on the number of the elites and the masses. At the same time, the production function of the elites is complemented with the distribution function, which determines the income structure of social groups and the level of inequality. Combining the two sides of the activity of the elites allows us to design a simple typology of political situations in the country and highlight the regime of revolutionary situation. A formal analysis of the model of production activity of the elites has shown that the phenomenon of over-accumulation of the ruling class has a noticeable destructive impact on economic growth only after a severe drop in its functioning effectiveness. The very deterioration of the quality of the political elite allows an unjustified increase in its size to manifest itself. We consider generalizations of elite model in relation to the case of the middle class and show the invariance of the previously obtained conclusions. We provide an interpretation of the macro-theory of the elites for the mega-level, when studying the world economic system as a combination of the center, periphery and semi-periphery. We consider four dimensions of the elite, with system paradigms being a new element

within these dimensions. The influence of external historical events on the worldview of the elites and their actions is revealed using the examples of the transformation of the Roman Republic into the Roman Empire, the collapse of the USSR and the beginning of the fall of the U.S. hegemony. For the center – periphery system, we test the production model of the elites with the help of statistical data from the World Bank; we build econometric dependencies that show a decrease in the effectiveness of the United States in managing global production.

Key words: elites, state, political stability, economic growth, center–periphery model.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation); Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: EVBalatskij@fa.ru)

Статья поступила 14.02.2024.